

ИСТОРИОГРАФИЯ

*П.Ю. Уваров**

О МОРАЛЬНОМ ДОЛГЕ ИСТОРИКА И ОБ ОЛОВЯННЫХ ПУГОВИЦАХ. СОВЕТЫ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА МАЛОВА (1938–2019)

Профессиональная карьера В.Н. Малова была сопряжена с противоречиями. Его учителями были Б.Ф. Поршневу и А.Д. Люблинская – историки, занимавшие полярные позиции как в изучении французского абсолютизма, так и в представлениях о смысле и стиле работы историка. Малов стал специалистом-палеографом, опубликовав в 1975 г. книгу об эволюции письма в XV–XVIII вв. Помимо рукописей, хранящихся в российских архивах, в этом исследовании он использовал такой важный источник как учебники по каллиграфии. В них он увидел не только эволюцию эстетических стилей, но и прагматическое стремление прививать практические навыки канцелярской работы. История канцелярии, а затем история государственных секретарей стали для него мостиком к изучению абсолютистской бюрократии во Франции. При этом Малов считал своим моральным долгом знакомить коллег с российскими архивными фондами, сулящими интересные находки. В этом качестве он и известен на Западе. В России же его ценили как историка, способного совмещать знание эмпирического материала с построением широкомасштабных обобщений. Его книги, посвященные Кольберу (1991) и Фронде (2009), имели успех, но проявить в них свою уникальную компетенцию архивиста-палеографа Малов не мог. Такая возможность представилась ему в работе с коллекцией орлеанских грамот XVI–XVII вв. Документы, попавшие в Россию еще в XIX в., оказались уникальными, поскольку архив Орлеанского департамента погиб в 1940 г. Работа в масштабе локальной истории позволила ему написать книгу «Орлеан и его окрестности» (2015), где умение работать со сложными в палеографическом отно-

** Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, профессор НИУ ВШЭ (Москва).*

шении источниками, хорошее знание французского права и желание проследить динамику социально-экономических изменений принесли хорошие плоды. Так в самом конце жизни произошло «снятие» противоречия, свойственного творческой биографии этого историка.

Ключевые слова: В.Н. Малов, Б.Ф. Поршневу, А.Д. Люблинская, Франция XVI–XVII вв., палеография, Кольбер, Фронда, абсолютизм, Орлеанский архив

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-360-385

В интервью по случаю своего 70-летнего юбилея В.Н. Малов на вопрос о том, чего бы он пожелал сегодняшним молодым историкам, ответил так:

«...Наверное, больше всего подойдет девиз Ибсена: “Быть самим собой”. Это значит – сохранять самостоятельность, не превращаться в эпигонов, пересказывающих чужие мысли, какими бы “модными” эти мысли ни были. Не думать, что есть какие-то “передовые”, “прогрессивные” отрасли знания или приемы исследования, к которым можно приписаться и “стричь купоны” с репутации прогрессиста. Историк может заниматься всем, чем хочет, если это позволит состояние доступных ему источников»¹.

Человек сторонний может увидеть в этом высказывании трюизм немолодого историка-ретрограда. Но мы-то понимаем, что здесь всё куда глубже. Хотя бы потому, что немудреное послание потомкам почему-то начинается с отсылки к Ибсену.

«Пер Гюнт», видимо, запал в душу В.Н. смолоду. Ведь он цитирует не перевод Поэля Карпа, опубликованный в «Библиотеке всемирной литературы» в 1972 г., но старый текст Петера и Анны Ганзе начала прошлого века, последний раз переиздававшийся в 1956 г. Именно в этом варианте норвежское выражение *vær deg selv* звучит как «быть самим собой», у Карпа же немного иначе: «самим собою быть». Вроде пустяк, но для афоризма порядок слов весьма значим. Еще сильнее разница в переводе оппозиции Ибсена к этому жизненному девизу: «собою будь доволен, тролль!» (Ганзе), или же «тролль, упивайся собой!» (Карп). Как бы то ни было, душа того, кто в жизни не следовал принципу «быть самим собой», отправляется в переплавку, чтобы стать оловянной пуговицей к мировому жилету. Неумолимый Пуговичник поясняет, что быть самим собою – значит:

¹ Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // СВ. 2008. Вып. 69 (2). С. 57.

«Всегда собою выражать лишь то,
Что выразить тобой хотел хозяин».

Иными словами – распознать свое божественное призвание (Beruf) и затем следовать ему. Но как совместить верность себе с верностью своему призванию, своему моральному долгу – загадка.

Малов всю жизнь любил разгадывать загадки. Еще в школе, с жадностью поглощая книги и университетские учебники истории, он уже подмечал разночтения. Его, например, удивляла разница в трактовках Фронды. В школьном учебнике под редакцией Е.А. Косминского это был реакционный мятеж феодалов, а в «Новой истории» Б.Ф. Поршнева – буржуазная революция, пусть и не удавшаяся. В Московском университете первокурсник Малов думал заняться Английской революцией (на него произвела сильное впечатление книга М.А. Барга о Кромвеле), но затем его заинтересовал кружок по изучению французского Просвещения, который вел молодой А.В. Адо. И сам Анатолий Васильевич способен был любого увлечь своей темой, и кружковцы составляли хорошую компанию. Именно там В.Н. познакомился с Галиной Сергеевной Чертковой, прекрасным исследователем и замечательным человеком. Надо сказать, что набор того года вообще оказался очень сильным, достаточно назвать таких однокурсников Малова, как В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря, Б.Л. Фонкич.

Научным руководителем В.Н. выбрал Поршнева, уже хорошо ему известного по книгам. В работах Поршнева ему импонировал стиль мышления и стиль изложения. Лекции этого преподавателя тоже были страстными, увлекательными. Но Малов никогда не творил кумиров, сохраняя способность критического отношения к наставникам.

Поршневу предложил ему выбрать темой исследования труды какого-нибудь утописта XVII–XVIII вв. И здесь впервые проявилось стремление В.Н. к первооткрывательству, к выбору самых сложных задач. Из всех авторов социальных утопий он выбрал самого трудного – Фенелона. С темой Малов справился: из «Телемаха», из учительной литературы, из опубликованных писем Фенелона он извлек достаточно материала, чтобы реконструировать его представления об идеальном общественно-политическом устройстве. Но это был редкий случай, когда, как он считал, загадка осталась неразгаданной. В.Н. прекрасно понимал, что осуще-

ствил некое насилие над источником, экстрагируя из него систему социально-политических взглядов, которым и сам Фенелон не придавал особого значения, да и современники ценили его за другое – достаточно вспомнить лестный отзыв о нем Стародума из нашего «Недоросля»². Фенелон интересен прежде всего этико-религиозными взглядами, но адекватно оценить их невозможно без погружения в конфессиональный контекст эпохи, без проникновения в богословские споры о квиетизме, янсенизме, пиетизме и проч. В Москве начала 1960-х гг. это было нереально. И дело даже не в предсказуемой позиции мэтров (вспомним, что Хрущев обещал показать в 1965 г. по телевизору последнего попа в СССР), а в том, что слишком уж велико было это непаханое советской историографией поле, и, что еще важнее, в наших библиотеках и архивах не было необходимых источников. Сам Малов неоднократно повторял, что текст работы так и остался пылиться на кафедре, и что он к нему не возвращался, но, как мы увидим, это не вполне соответствовало истине.

Попав в 1960 г. по распределению в ИМЭМО, В.Н. оказался в только что созданном секторе Мирового рабочего движения, который возглавил колоритный Тимур Тимофеев, сын председателя компартии США. Малову поручили по горячим следам изучать всеобщую забастовку в Бельгии, в которой видели предвестницу скорого краха капитализма. Здесь проявилось еще одно качество В.Н.: он всегда квалифицированно и в срок выполнял поручения начальства, даже если и не имел к ним склонности. Внимательно изучив все доступные в СССР бельгийские газеты, он написал вполне пристойную работу, основанную на хорошем эмпирическом материале. А слово «эмпирический» обладало для Малова позитивной коннотацией.

Но в перспективном отделе перспективного института он оставаться не хотел, не видя в этом своего призвания. Узнав, что в 1961 г. сектор истории Средних веков Института истории РАН объявляет набор в аспирантуру по латинской палеографии, он подал в нее документы, представив своего «Фенелона» как реферат, требуемый для поступления. На этом моменте хочется заострить внимание.

Узкопрофильная аспирантура была инициативой Н.А. Сидоровой, которой в нашей корпоративной памяти обычно отводят роль

² «Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет» – *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений в 2 томах. М.; Л., 1959. Т. 1.

«злого гения советской медиевистики». К этому времени она, уже взяв в сектор Ю.Л. Бессмертного, прилагала немалые усилия, чтобы перетащить в него и А.Я. Гуревича, а также намеревалась укрепить свой коллектив специалистами, способными работать с латинскими рукописями, хранящимися в Москве. Для этого она использовала отработанные связи с ленинградскими коллегами³. Под руководством А.Д. Люблинской в рукописном отделе Публички обучалась В.Л. Романова, этот же путь был предназначен и В.Н. Кстати, пятью годами ранее именно в учебной группе Сидоровой второкурсник Малов представил реферат по Иерусалимским ассизам, и ей хорошо запомнился. Чем она руководствовалась, принимая его в аспирантуру в эти последние недели своей жизни (она умерла в ноябре, в возрасте 51 года), в общем понятно. Но каковы были мотивы В.Н., менявшего престижную работу на статус аспиранта?

Еще в университете он понял, что ему нужны те специальные знания, которые ни Поршневу, ни кафедра Новой и Новейшей истории не могли ему дать. Загодя было ясно, что руководить аспирантом будет Люблинская. Она была важна для него как палеограф, ведь палеография и представляла собою то уникальное знание, необходимость которого была ясна для всех и которое было доступно весьма немногим. Палеография давала ключ к публикации источников, а в этом Малов и будет видеть свое призвание, если и не главное, то очень важное. Но Александра Дмитриевна интересовала его еще и как автор совсем недавно опубликованной книги⁴, отличавшейся неожиданной сложностью нарисованной в ней картины французского общества. Причем сложность не препятствовала целостности подхода к социально-политической истории Франции, и именно целостность предполагала доскональное знание истории институтов на фоне переплетения человеческих судеб и богатой палитры исторических деталей.

Палеограф из Малова получился отменный. Он часто ездил в Ленинград и в общей сложности больше года провел там, в общежитии ЛОИИ на Петрозаводской. У коллег с берегов Невы порой присутствовало предубеждение против московских историков, наезжавших в их архивы и библиотеки. Но Малова приняли

³ В том же году она договорилась с В.И. Рутенбургом о том, чтобы Гуревич защищал докторскую диссертацию в Ленинграде, поскольку в диссертационном совете московского Института истории была большая очередь.

⁴ Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610–1620 гг.). Л., 1959.

как своего и Е.В. Бернадская, и Т.П. Воронова, и более молодая Л.И. Киселева и, что самое важное, сама «мадам». Он стал любимым учеником строгой Александры Дмитриевны.

Следуя своей тяге к первооткрывательству, В.Н. выбрал себе тему, которая даже французами почти не была исследована, — эволюция письма с XV в. по XVIII в. Французские учебники палеографии обычно заканчивались XV в. Считалось, что дальше письмо уже «современное», и если какие-то трудности при чтении и возникают, то достаточно будет таблиц, аккумулирующих трудные случаи написания букв и их сочетаний, распространенные аббревиатуры и титлы. Их все следовало запомнить, ведь чем больше их уместишь в голове, тем легче будет читать документы XVI или XVII в. Иными словами, эпохе отказывали в самостоятельной ценности с точки зрения истории письма. Малову удалось эту ценность продемонстрировать и тем самым реабилитировать. Удачной находкой было привлечение многочисленных учебников по каллиграфии того времени. Впоследствии он напишет об этом периоде соответствующую главу в учебнике по латинской палеографии⁵, а еще позже опубликует свою первую монографию о происхождении современного письма⁶.

Развитие письма вписано Маловым в исторический контекст, соотнесено с эволюцией изобразительных жанров, с историей культуры и даже с историей мысли⁷, но — главное — с административной историей и историей социальной. В 1965 г. В.Н. успешно защищает кандидатскую диссертацию в ЛОИИ. Он осознает себя палеографом и потратит много сил на публикацию и описание рукописных источников наших библиотек. Больше всего документов изучаемого периода хранилось в Ленинграде, но там во время Малова ими занималось немало специалистов. Москва в этом отношении беднее, но здесь редко работали с западными рукописями XVI–XVII вв. В.Н. сам себя назначает ответственным за западные документы в московских архивах и будет видеть свой моральный долг в изучении коллекций Рукописного отдела Ленинки, фондов ЦГАДА, Отдела письменных источников ГИМ, а затем и

⁵ Малов В.Н. Письмо XVI–XVIII вв. // Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969. С. 146–166.

⁶ Малов В.Н. Происхождение современного письма (Палеография французских документов конца XV–XVIII вв.). М., 1975.

⁷ Малов В.Н. Каллиграфия и ренессансное сознание // Типология и периодизация культуры Возрождения / Ред. В.И. Рутенбург. М., 1978. С. 169–174.

иных хранилищ. Он считал для себя важным познакомиться с этими сокровищами отечественных и зарубежных коллег.

Как мне написала его ученица, Т.Н. Таценко, «в учебниках письма Владимир Николаевич сумел увидеть не только культивирование форм, связанных с эстетическими вкусами эпохи, ее искусством, но и прагматическое стремление прививать определенные практические навыки канцелярской работы. История канцелярии как одного из административных институтов, затем роль государственных секретарей стали для него мостиком к изучению абсолютистской бюрократии и затем более общих проблем политической истории Франции».

Действительно, сразу же после защиты кандидатской диссертации выходит статья о государственных секретарях⁸, которую можно считать началом многолетней работы В.Н. над административной историей французской монархии.

Это была его первая статья, опубликованная в ежегоднике «Средние века». К этому времени он уже сотрудник сектора. Однако его сразу же откомандировали в архив МИД работать над томами «Внешней политики России XIX–XX вв.». Он отбыл в МИД 1 марта 1965 г., причем дирекция твердо обещала его вернуть в сектор не позже сентября того же года. Но, несмотря на настойчивые письма секторского руководства, архив не торопился отпускать ценного сотрудника. Он возвращается в Институт лишь осенью 1967 г., а уже в начале следующего года становится ответственным секретарем «Средних веков» и будет исполнять эти обязанности семь лет. Издательский цикл тогда был неторопливым: первый выпуск (№ 33), над которым начал трудиться Малов, вышел лишь в 1971 г., а последний (№ 38) в 1975 г.

Тем временем он продолжает перерабатывать текст диссертации в книгу, которая увидит свет в 1975 г., публикует документы из архива Ришелье, хранящиеся в Ленинке. Малова привлекли к работе над историей экономики Франции XVII–XVIII вв. для затеваемого коллективного труда, посвященного генезису капитализма. В.Н. начинает регулярно публиковаться в ИНИОНовском реферативном журнале у А.Л. Ястребицкой, знакомя отечественных читателей с работами Р. Мандру о Фуггерах, М. Морино о торговом флоте, Ж. Фавье об экономике Парижа и другими интересны-

⁸ Малов В.Н. Французские государственные секретари в XVI–XVII вв. (К вопросу о значении данных палеографии для административной истории) // СВ. 1966. Вып. 29. С. 267–275.

ми материалами. Печатается, конечно же, и в «Средних веках». Так, в 1971 г. совместно с Люблинской он публикует пространную рецензию на «Крестьян Лангедока» Э. Ле Руа Ладюри. Рецензия очень содержательная, выдержанная в доброжелательном, местами даже восторженном тоне, но не лишенная критики тех мест, где французского автора явно «заносит»⁹.

Внешне научная жизнь Малова идет весьма размеренно, но вспомним, на какие годы приходится период его «ответственного секретарства» в «Средних веках». Это время вполне можно назвать апогеем советской медиевистики, и при этом сообщество начинало лихорадить. Достаточно почитать «Пережитое» Е.В. Гутновой или «Историю историка» А.Я. Гуревича. А еще лучше – интервью с И.Н. Осиновским, опубликованное во «Французском ежегоднике» в 2010 г. Игорь Николаевич среди прочего рассказывал о ситуации, когда после смерти академика С.Д. Сказкина (1973) заведующим сектором стал А.Н. Чистозвонов, а главным редактором ежегодника «Средние века» – министр-медиевист А.И. Данилов. Чистозвонов организовал обсуждение 37-го номера «Средних веков», где была опубликована статья Гуревича¹⁰ о «покаянных книгах». По свидетельству Осиновского, новый зав. сектором тогда же потребовал вынести разгромную резолюцию о «серьезных методологических недостатках» в работе редакции «Средних веков». А методологические ошибки на языке того времени означали полное перечеркивание результатов работы¹¹. Ярость нового руководства была тем сильнее, что и в следующем, 38-м выпуске «Средних веков» выйдет очередная статья Гуревича о народной культуре и лжепророках во Франкском государстве¹².

Оргвыводы не могли не последовать, но против кого было направлено их острие? Ответственного редактора (С.Д. Сказкина) уже не было в живых, его заместитель (М.М. Смирин) давно и безнадежно болел, да и были они людьми осторожными и к числу

⁹ Это была первая и, собственно говоря, последняя нормальная рецензия на книги этого историка. Правда, некоторые из них будут реферироваться в изданиях ИНИОН, но в «высокой печати» Ле Руа Ладюри следующие 15 лет будут дружно поносить, а затем столь же дружно возносить.

¹⁰ Гуревич А.Я. Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг» // СВ. 1973. Вып. 37. С. 28–54.

¹¹ Митрофанов А.А. «Если это опубликовать, они вас разорвут». Беседа с И.Н. Осиновским // ФЕ 2010. 2010. С. 391.

¹² Гуревич А.Я. Из истории народной культуры и ереси. «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве // СВ. 1974. Вып. 38. С. 159–185.

почитателей Гуревича не относились. Нетрудно догадаться, что в «идеологической диверсии» могли обвинить только ответственного секретаря – Малова. Он же делал то, что считал правильным – публиковал интересные, фундированные статьи, получившие положительные отзывы рецензентов. Несмотря на кампанию по «закручиванию гаек», шедшую уже с 1969 г. при активном участии Данилова, за годы секретарства Малова в «Средних веках» были опубликованы:

- статья Л.М. Баткина «Спор о Данте и социология культуры» и материалы дискуссии, развернувшейся по этому поводу,
- три статьи Гуревича,
- две восторженные рецензии на книги Гуревича (А.С. Кана и А.П. Каждана).

В конце 1974 г. В.Н. покинул и редколлегию «Средних веков», и одноименный сектор, вновь став прикомандированным, на сей раз к редакции журнала «Новая и Новейшая история», где он заведовал отделом Новой истории. Любопытно, что о периоде своей деятельности, связанном со «Средними веками», В.Н. не вспоминал ни в устном, ни в письменном интервью. Следующие семь лет он проработал в «Новой и Новейшей истории», а в 1981 г. Бессмертный пригласил Малова в группу по подготовке коллективного труда «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма». Из уже упомянутого интервью Осинковского можно узнать об этом коллективе и о самом издании. Работа над ним была задумана и начата еще на рубеже 60-х и 70-х гг., затем уже готовый первый том был «торпедирован» Чистозвоновым, Даниловым и Ю.М. Сапрыкиным. Когда директором Института всеобщей истории РАН стала З.В. Удальцова (1980), к идее издания «Истории крестьянства» вернулись, была создана рабочая группа по подготовке трехтомника. Группа являла собой альтернативу сектору Средних веков, точнее – его руководству. Компания подобралась сильная: Бессмертный, Гуревич, Малов, Л.П. Репина, С.И. Лучицкая. На тот момент это был уникальный коллектив друзей и единомышленников.

Служебный путь Малова в советское время разделяется на секвенции по семь-восемь лет. После окончания МГУ семилетний период странствий (ИМЭМО, аспирантура, архив МИД), семь лет в «Средних веках», семь лет в «Новой и Новейшей истории» и, наконец, в «Истории крестьянства» пять с половиной, к которым

можно прибавить еще полтора года работы над «Историей Европы» уже в секторе Новой истории, где свои разделы В.Н. завершил к началу 1988 г.

И в редакции журнала, и в рабочей группе «Истории крестьянства» стиль работы Малова не менялся: задания он выполнял качественно, укладываясь в отведенные сроки и объемы. Много позже, когда перед нами встала задача сократить наш третий том «Всемирной истории», я взялся править главы, поставив себе задачу ужать каждую из них на 5, а то и 10%. Обычно у меня это получалось. Но в текстах Малова, увы, не оказалось ни одной лишней строчки, не говоря уже о том, что и даты, и факты, и транслитерация топонимов и личных имен в его текстах были безупречны – редактору совсем было нечем здесь поживиться.

Сам же он хорошо редактировал любые тексты, перепроверял приводимые в них сведения, пересчитывал данные таблиц, в случае необходимости брался «доводить» чужие разделы, быстро начитывая необходимую литературу и постигая новые для себя темы.

Но это была лишь видимая часть айсберга. Его основные научные интересы лежали в другой плоскости. Прежде всего, он оставался верен возложенной на себя миссии архивиста-палеографа. Он обследовал архивы, публиковал источники, помогал коллегам разобраться в трудных случаях¹³ и вообще никому в помощи не отказывал¹⁴. Он выезжал на конференции: в Венецию, Рим, Париж, публиковал за рубежом статьи об архивных находках. В его жизни началась эпопея, связанная с так называемой «Коллекцией Ламуаньона», хранящейся в ЦГАДА, нынешнем РГАДА. «Так называемой», потому что у П.П. Дубровского, А.Ф. Лихачева, П.К. Сухтелена, действительно, были коллекции: разрозненные документы, прикупленные по случаю. С такими собраниями хорошо работать палеографу, изучающему эволюцию письма, поскольку они дают развернутую во времени картину, демонстрируя разные типы документов. А то, что мы имеем в РГАДА, по сути, явля-

¹³ В устном интервью Малов рассказал о забавном случае, когда он раскрыл загадку надписи на полях средневековой рукописи надписи, которую не смог прочесть ни один из классических палеографов (см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f3Sf8ZhJgMg&t=165s> (тайм-код: 17.22) (дата доступа: 15.06.2019)).

¹⁴ Он помогал и грузинским коллегам, и украинским. Советую посмотреть интервью Н.Н. Яковенко ([Электронный ресурс] URL: uamoderna.com/jittepis-istory/yakovenko (дата доступа: 22.06.2019)). Помимо прочего Наталья Николаевна рассказывает о том, как Владимир Николаевич согласился стать ее научным руководителем.

ется ведомственным архивом. Это часть документов, купленных Гийомом Ламуаньоном у наследников государственного секретаря Жана Дютье, который в 1547–1559 гг. отвечал за правительственную корреспонденцию, связанную с юго-восточным направлением (Италия с Корсикой, Северная Африка, Турция). Это был важнейший вектор внешней политики французского короля Генриха II в эпоху Итальянских войн: переписка с Римом, инструкции капитанам, донесения дипломатических агентов, часто – зашифрованные¹⁵. Для истории письма этот фонд не очень интересен (слишком малый временной отрезок, чтобы ухватить картину изменений), для социальной истории тоже (нет статистической информации, данных о положении социальных групп). Зато он бесценен для истории войн и дипломатии – областей, к которым Малов никогда особой склонности не испытывал. Однако он начинает кропотливый труд по составлению каталога этого фонда, время от времени извлекая из него отдельные сюжеты. Он пропагандирует эту коллекцию во французском журнале «Библиотека Школы хартий» и иногда принимает в Москве иностранных коллег, интересующихся этим архивом, начиная с крупнейшего специалиста по административной истории М. Антуана. Но помимо каталогизации и архивных поисков, стояла задача издания документов. В 1963 г. под редакцией Люблинской вышел том, где были опубликованы важнейшие документы этой коллекции за 1547–1548 гг.¹⁶ Следующим должен был стать том, относящийся к 1552–1553 гг. Работа была готова уже к 1977 г., но что-то застопорилось, а потом Александра Дмитриевна скоропостижно скончалась. Малов взял продолжение этой работы на себя, но когда труд был завершен, выяснилось, что опубликовать его невозможно. Публикация не содержала переводов документов на русский язык, а тот аргумент, что у Люблинской уже был прецедент издания источников без перевода, мало кого убедил. Аргументы В.Н. основывались на растущем интересе французских историков к этой коллекции. С французской стороны предпринимались попытки микрофильмировать всю коллекцию, но в этом им было отказано, как отказали в запросах на ко-

¹⁵ Он любил работать с шифрами. Его сын вспоминал, как гуляя в парке, они нашли листок, где детским почерком старательно были выведены какие-то закорючки. Внимательно изучив записку, Владимир Николаевич «расколел» юных криптографов, которые, как выяснилось, уточняли на какой именно фильм они пойдут, сбежав из школы.

¹⁶ Документы по истории внешней политики Франции. 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963.

пирование отдельных документов старейшему историку Франции Ш. Самарану и М. Франсуа, директору Школы хартий. Аргумент был один – копирование документов на Западе может повредить изданию, готовящемуся советскими историками. Но издательство, разославшее заинтересованным лицам предложение о заказе будущей книги, не дождалось заявок. В итоге рукопись была опубликована «методом депонирования в ИНИОН», то есть хранилась там в одном экземпляре, но при этом как бы считалась опубликованной, о чем свидетельствовала каталожная карточка в картотеке¹⁷. Теперь хотя бы западным исследователям перестали отказывать в доступе к документам. Как писал в отчете сам Малов «депонирование данной рукописи создает реальную возможность публикации в дальнейшем ее фрагментов в советских и иностранных журналах». Этой возможностью никто не воспользовался, а пожар 2015 г. в ИНИОН перекрыл ее окончательно. В личном архиве Малова сохранился черновик этой рукописи, но какова будет ее дальнейшая судьба – неизвестно.

Архивные изыскания составляли далеко не весь спектр интересов Малова. После ухода из сектора истории Средних веков прекратилось его участие в возглавляемом Чистозвоновым проекте изучения генезиса капитализма. Но исследовательский интерес у В.Н. к этой теме остался и в ИНИОН он публикует рефераты чрезвычайно важных книг: Р. Гаскона о Лионской торговле и двухтомной «Экономической и социальной истории Франции» – пожалуй, последней серьезной коллективной работы французских историков. Сюда же следует отнести и рецензию на книгу Люблинской о французском крестьянстве. Это пригодится ему для соответствующих разделов в «Истории крестьянства» и в «Истории Европы».

В конце 1970-х гг. Малов обращается к важной и несколько неожиданной теме. Прочитую абзац из его отчета о работе в 1981–1985 гг.:

«Среди других работ следует отметить написанную во внеплановом порядке большую статью «К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII–XIX вв. (Опыт корреляционного анализа)», 2,5 п.л. («Французский ежегодник, 1979. М., 1981»).

¹⁷ Документы по истории внешней политики Франции. 1552–1553 гг. / Под ред. В.Н. Малова совместно с А.Д. Люблинской. М., 1985, 675 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР 22.04.1985, № 20448.

Почему он называет эту работу внеплановой? Обычно так именовались гонорарные издания, но вряд ли перед нами именно этот случай. Просто В.Н. изучение этой темы не планировал заранее. Ему захотелось решить для себя некую загадку. Любопытно, что «Французский ежегодник» согласился опубликовать статью, несмотря на существенное превышение допустимого объема, да к тому же работу автора, не имеющего докторской степени, а тогда во «Французском ежегоднике» к иерархии относились серьезно.

В.Н. продемонстрировал виртуозное владение методом количественного анализа, который в то время прочно вошел в моду. Уже работала лаборатория И.Д. Ковальченко по применению математических методов в истории, уже большим тиражом вышла в свет книга Б.Н. Миронова и З.Л. Степанова «Историк и математика»¹⁸, а неугомонный Ле Руа Ладюри, провозгласил, что «историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет вовсе»¹⁹. Но слова «Малов» и «мода» несовместны, В.Н. лишь воспользовался адекватным инструментом для решения интересующих его проблем. Ни до, ни после он не декларировал свою приверженность этим методам, хотя к статистическим подсчетам относился с одобрением. Главное, статья забивала осиноый кол в могилу господствовавшего у нас взгляда на процесс утверждения централизованной монархии во Франции: сначала формирование общенационального рынка, а затем политическая централизация. Ничего подобного! Анализ хлебных цен показал, что даже в такой жизненно важной отрасли, как хлебная торговля, несмотря на все усилия реформаторов, единый рынок складывается лишь в первой половине XIX в. Любопытно, что французские историки этой проблемой так и не занялись, а отечественные коллеги оценили в статье, главным образом, мастерство историка, а не ее прагматическую часть. При этом Малов не пропагандировал свои методические или даже методологические достижения, не рвался на конгрессы экономической истории и на другие форумы. Он решил для себя любопытную задачу и опубликовал полученные результаты, простодушно полагая, что все сказал. Для него эта статья оказалась исключительно важной: исследование экономической конъюнктуры эпохи Старого порядка подтвердило его мнение об особой роли французской бюрократии в исто-

¹⁸ Миронов Б.Н., Степанов З.Л. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975.

¹⁹ *Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien*. P., 1973. Т. 1. P. 13–14.

рии страны. Это, по-видимому, и было началом работы над книгой о Кольбере.

Сам В.Н. сравнивал этот труд с Измаилом, решиться на штурм которого, по словам Суворова, можно было только раз в жизни. О Кольбере было написано множество работ, не смолкали споры о том, полезны или вредны были его реформы. В то время большинство французских историков склонялись ко второму, к тому же, по выражению Малова, «как бревно поперек дороги» лежало высказывание начитавшегося физиократов Энгельса о том, что реформы Кольбера разорили французское крестьянство. Со всем этим В.Н. предпочел разбираться сам, привычно двинувшись по пути наибольшего сопротивления. Тема его диплома никак не была связанной с темой кандидатской, а тема кандидатской – с докторской. Гораздо проще и быстрее было защититься, развивая палеографическую тематику, где авторитет Малова стал непререкаем. Но по этой дороге он не пошел.

С точки зрения его квалификации архивиста-палеографа, наши архивы не слишком были богаты документами, относящимися к Кольберу. Первые две главы – историографическую и биографическую, посвященную приходу Кольбера к власти, можно было написать по литературе. О кольберовских попытках монастырской реформы В.Н. нашел материал во время своего краткого визита в Ватиканскую библиотеку. Но получить доступ к правительственным актам, чтобы понять, как работала административная машина того времени, можно было только во Франции. В 1986 г. Малов получает трехнедельную командировку для работы в Париже. В этом ему помог С.Л. Тихвинский, академик-секретарь Отделения истории и при этом директор историко-дипломатического управления МИД. Он помнил В.Н. по работе в архиве МИД и высоко его ценил. Три недели командировки по линии МИД были большой удачей. Хотя в 1986 г. техническое копирование документов и книг еще не позволялось, а потому единственным орудием историка были бумага и карандаш, тем не менее, материал, собранный В.Н., помог завершить докторскую диссертацию.

На обсуждении диссертации в секторе Новой истории кто-то осторожно недоумевал, почему классики марксизма-ленинизма не помещены Маловым на подобающее им первое место в списке литературы. Зато на самой защите в начале 1990 г. оппонента Н.И. Басовскую интересовало уже другое – зачем вообще нужны

ссылки на классиков марксизма в серьезном научном исследовании, и не пора ли от этого пережитка отказаться?

Времена менялись стремительно, но неизменным оставался дефицит бумаги в издательстве «Наука». На монографию, вышедшую в 1991 г.²⁰, листаж был беспощадно урезан. В книгу не вошла интересная глава о монастырских реформах, поскольку ранее во «Французском ежегоднике» была опубликована статья на эту тему²¹, а историографическая часть, принципиально важная, так и не стала достоянием общественности. Она была депонирована в ИНИОН²², где и сгинула.

Тем временем друзья В.Н., когда-то работавшие с ним над «Историей крестьянства», развернули большую активность. Они создали новый сектор, организовали постоянный семинар, задумали издавать альманах «Одиссей» и стали готовить эпохальную конференцию, посвященную 60-летию журнала «Анналы». Конечно, В.Н. был приглашен в это сообщество, где хотели собрать не только адептов исторической антропологии, а всех «настоящих» историков. Сомнений в том, что Малов – «настоящий», не было ни у кого.

В ожидании приезда корифеев организовали серию подготовительных мероприятий. Малова пригласили рассказать о Ле Руа Ладюри и о передовых французских историках в целом. О Ле Руа Ладюри он рассказал подробно, как и вообще о том, что знал об «Анналах». Ведь этот журнал В.Н. стал читать с начала 1960-х гг. по рекомендации Люблинской, к тому времени уже опубликовавшей там свое предисловие к М. Блоку²³. Но при этом Малов признался, что ему ближе другие историки, в основном – представители Школы хартий, работающие в архивах, в том числе и российских. Они – хорошие историки, хотя и не ходят в «передовых».

Малов вошел в редколлегию альманаха «Одиссей», но долгое время не публиковал там своих статей. Зато отсекал работы, в которых источников было мало, а заверений в лояльности исторической антропологии много. Не отсюда ли совет молодежи в его юбилейном интервью? Парадокс Малова заключался в том, что

²⁰ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

²¹ Малов В.Н. Проект монастырской реформы Кольбера // ФЕ 1982. 1984. С. 101–119.

²² Малов В.Н. Кольбер в историографии. М., 1989. 50 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР 20.03.1989, № 37201.

²³ Lublinskaja A. Preface à l'édition russe des «Caractères originaux de l'Histoire rurale française» // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1959. N 1 (janvier–mars). P. 92–105.

по своей гражданской позиции и траектории своего пути в нашем институте он был, как говорили, «историком левых взглядов». Но среди европейских коллег он был ближе с теми, кого принято называть «консерваторами». Характерно, что свою книгу о Кольбере он не считал продолжением трилогии Люблинской, закончившейся на Франции эпохи Ришелье. Ее книги принадлежали к жанру социальной или социально-политической истории, в то время как своего «Кольбера» В.Н. определял как исследование по административной истории в духе Р. Мунье.

В.Н. искренне полагал, что история пишется по источникам, и был уверен, что так считает большинство его коллег. В 1992–1993 гг., когда в Институте всеобщей истории ходил слухи о перекройке отделов, он воодушевленно предлагал коллегам создать рабочую группу, чтобы, наконец, заняться самым главным – разысканием западных рукописей в российских архивах с целью их публикаций. Но желающих не находилось. Коллеги либо вообще не рвались работать с манускриптами, либо предпочитали сидеть над ними в архивах Парижа или Венеции, а не искать их в Костроме или в Вологде. Оставшись, таким образом, в одиночестве, он продолжал охоту за западноевропейскими рукописями по городам и весям – в Казани, Ярославле, Ростове, Иваново, Рязани. Но самые интересные находки ожидали его в Москве, в отделе письменных источников Исторического музея. Чего стоят одни лишь регистры дарений Карла IX, датированные самым началом Религиозных войн?

Свыше четверти века В.Н. публиковал у нас и на Западе свои статьи, посвященные архивным находкам, и другие небольшие, но тщательно отточенные шедевры – неизменно интересные и по большей части неожиданные. При этом он продолжил работу по составлению каталога коллекции Ламуаньона²⁴, участвовал в больших проектах. И еще – неспешно готовил книгу о Фронде. Работать над этой темой он начал, по-видимому, еще в конце 1980-х гг., когда требовалось написать соответствующий раздел в четвертый том «Истории Европы»²⁵.

Вспомним, что еще школьником Малов подметил для себя загадку, существующую в советской историографии: чем же была

²⁴ Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). Описание документов. Вып. I. М., 1997. 224 с.

²⁵ Малов В.Н. Фронда // История Европы: в 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 42–54. Первые подступы к теме начались много раньше: он же. Фронда // ВИ. 1986. № 7. С. 76–87.

Фронда, мятежом аристократов или неудачной буржуазной революцией? В самом названии вышедшей в 2009 г. монографии В.Н. – «Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653» – видно желание автора продолжить трилогию Люблинской²⁶. Строго говоря, саму Парламентскую Фронду обычно датируют 1648 – началом 1649 г. Дальнейшие события даны в книге лишь пунктиром, главным образом для иллюстрации быстрой потери Парламентом своего авторитета. Так называемую «Фронду принцев» В.Н. не стал рассматривать, поскольку вопрос о социальных предпосылках движения был значим лишь применительно к Парламентской Фронде, а последующие события уже не подлежали истолкованию в категориях социальной истории. В этом близость его работы с исследованиями Люблинской, выдержанными в духе социальной истории. Правда, в отличие от нее, Малов не давал в своей книге развернутого очерка социально-экономической истории Франции этого периода, не писал об общей расстановке классовых сил, но социальная характеристика основных участников Фронды, различных «фракций» административного аппарата французской монархии получилась у него всесторонней. При всей любви В.Н. к эмпирическим исследованиям он в случае необходимости успешно выступал в роли теоретика. Ему нравилось из фрагментов исторической реальности выстраивать убедительную и достаточно строгую систему. Работая над темой Фронды, он описал природу французского абсолютизма, выделив три основных этапа его эволюции: «судебная монархия», «судебно-административная» и «административно-судебная». Уделяя много внимания институциональной практике продажи должностей во Франции, Малов именовал собственников должностей не чиновниками, а «офисье», подчеркивая, что они не всегда были послушными исполнителя королевской воли. Тщательно работая с историографией, он в целом солидаризируется с позицией Р. Десимона, трактовавшего Фронду как борьбу сторонников «ординарных», «законных» способов управления с теми, кто проводил политику «чрезвычайщины», сторонниками «экстраординарных» методов.

В именном указателе у Малова Люблинская фигурирует всего три раза, в то время как Поршневу упоминается не менее двадцати.

²⁶ Люблинская А.Д. Франция в начале XVI века (1610–1620). Л., 1959; Она же. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965; Она же. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. М., 1982.

Но это потому, что с ним В.Н. чаще всего не был согласен, особенно по поводу трактовки мазаринад. Как можно говорить об отражении тех или иных социальных чаяний, если в большинстве случаев речь идет о заказных текстах, авторы которых утром писали одно, а вечером – другое? Его критика взглядов Поршнева, искавшего в мазаринадах революционную линию, которая якобы отражала чаяния радикальной части буржуазии и плебса, вполне обоснована. Однако французский историк К. Жуо в указателе Малова присутствует лишь как соавтор одной из книг Десимона, тогда как исследование Жуо «Мазаринады: словесная Фронда»²⁷ осталась без внимания. В.Н. об этой работе знал, как, по-видимому, знал и о высокой оценке ее М. де Серто²⁸. Но проблематика «лингвистического поворота» его не увлекла. Как историк, наделенный исследовательской интуицией, он видел, сколь сильным орудием может быть «революция слов», логика памфлетов с их нарастающей саморадикализацией, видел, сколь разрушительным для самого понятия писательского авторитета может стать убежденность в «заказном» характере любого текста. Но в рассуждения по этому поводу он не углублялся.

У этой книги была хорошая судьба. Она – единственная из всех монографий Малова – вышла в твердом переплете: грант РГНФ дал возможность издать текст в полном объеме, не урезая листаж. На нее вышли рецензии и у нас²⁹, и во Франции³⁰. Более того, французское посольство присудило В.Н. международную премию имени Анатоля Леруа-Болье как автору лучшего исследования о Франции на русском языке.

В интервью 2008 г. В.Н. на вопрос о планах на будущее отвечает:

«Сейчас, после окончания «Фронды», мне трудно говорить о дальнейших творческих планах. Вряд ли удастся найти еще одну такую значимую тему как «Кольбер» или «Фронда» (тем более что на многомесячные командировки ученым моего возраста <...> можно не рассчитывать). Ясно, что меня ожидает трудоемкая рабо-

²⁷ *Jouhaud Ch.* Les Mazarinades: La Fronde des mots. P., 1985.

²⁸ *Certeau M., de.* L'expérimentation d'une méthode: les mazarinades de Christian Jouhaud // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.* 1986. Vol. 41, N 3. P. 507–512.

²⁹ *Пименова Л.А.* Рецензия на кн.: Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009 // *НиНИ.* 2011. № 4. С. 213–125.

³⁰ *Debaggi Barnova T.* Comptes rendus Vladimir N. Malov. Parlementskaâ Fronda: Franciâ, 1643–1653 / *La Fronde parlementaire: France, 1643–1653, Moscou, Naouka, 2009* // *Histoire, économie & société.* 2012. 31e année. N 3. P. 117–118.

та ответственного редактора полного перевода «Мемуаров» герцога Сен-Симона, издающегося в серии «Литературные памятники» (будет 7 или 8 томов; первый том, за 1691–1701 гг. уже подготовлен). Хотелось бы “отдохнуть” в работе по выявлению и публикации новых документов»³¹.

Это значит, что в 2008 г. он еще не знал, какое завораживающее интеллектуальное приключение ждет его в самом близком будущем.

В профессиональной позиции Малова присутствовала двойственность. Работу с неопубликованными источниками он считал своим призванием и моральным долгом. На Западе его знали именно как хорошего архивиста. У нас – как знатока французской государственности, от которого ждут обобщений. Но работа с неопубликованными источниками – то, что он сам очень ценил, если и присутствовала в трех его монографиях, то лишь в качестве «вишенки на торте». Когда вставал вопрос о том, какую нишу на мировом рынке исторической науки могут сегодня занять отечественные историки, изучающие Запад, то В.Н. отмечал два пути: либо вести себя как жители «сырьевой державы», интересной лишь своими малоизвестными архивными фондами, либо использовать позицию «внеаходимости» (этот термин любил Гуревич, по-видимому, подразумевая эффект «отстранения» по Шкловскому). Российский историк своим сторонним взглядом может увидеть издали то, что неразлично вблизи. Действительно, французу не пришлось бы в голову написать книгу об эволюции французского письма в XV–XVIII вв., он бы сразу утонул в океане источников. То же можно сказать о Кольбере и, может в меньшей мере, о Фронде³². Но французские коллеги – хотя бы в силу языкового барьера – не спешили оценивать оригинальность монографий Малова. Сам же он, не отказываясь от широкомасштабных обобщений, любил работать «на земле» – с источниками, с сюжетами, изобилующими деталями и требующими специальных знаний, а уж потом на этой основе делать выводы, подкрепленные статистическими выкладками.

И он обратился к коллекции П.И. Щукина, хранящейся в Отделе письменных источников ГИМ³³. Среди прочего в ней оказа-

³¹ Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // СВ. 2008. Вып. 69 (2). С. 58.

³² Обобщающие работы о Фронде все-таки выходили, но их писали не французы. См., например: *Ranum O. The Fronde. A French Revolution (1648–1652)*. N.-Y.; L., 1993.

³³ Малов В.Н. Орлеан и его окрестности в XVI–XVIII вв. (по коллекции орлеанских грамот в ОПИ ГИМ). М., 2015.

лись 92 грамоты орлеанского генеральства (1549–1732). В 1830-х гг. префектура Луарэ, испытывая финансовые затруднения, решила продать документы, не представляющие ценности, чтобы платить зарплату служащему архива. Часть грамот попала в Россию и, в конце концов, оказалась в ОПИ ГИМ. В 1940 г. во время немецкой бомбардировки Орлеана сгорело здание департаментского архива вместе со всеми фондами. Таким образом, небольшой комплекс орлеанских грамот, хранящихся в Москве, оказался уникальным памятником. К тому же в нем есть документы, позволяющие проследить историю земельных комплексов на протяжении сотни лет. Сравнительно однородный характер источников давал возможность производить статистические подсчеты. Для работы с этими актами потребовалось вникнуть в тонкости правовых норм и особенностей юридической практики, но Малов давно питал слабость к историко-правовым штудиям. Источник дал ему возможность исследовать уровень грамотности населения с учетом гендерных различий (на основании подписей участников сделок), изучить особенности королевской и сеньориальной судебной системы в Орлеанэ, специфику местного наследственного права, проблемы распространения ипотечных рент, изменение конъюнктуры в сфере виноградарства и животноводства. Выводы получились убедительными, иногда подтверждающими имеющиеся знания, иногда – неожиданными. При этом приходилось решать всевозможные «ребусы»: разбираться с принадлежностью грамот той или иной нотариальной конторе, с именами наследников разросшихся крестьянских фамилий, не забывать об особенностях местных мер и весов. Словом, делать все то, чем Малов всегда любил заниматься. В итоге картина получилась живая. Книгой в 8 п.л., изданной микроскопическим тиражом, макетированной друзьями, сегодня даже нельзя отчитаться по госзаданию. Но автор был доволен – вот оно, конкретное, верифицируемое, уникальное знание, добытое немалыми усилиями. Его чувства были сродни радости дачника, вырастившего на участке роскошную тыкву, пусть и не имеющую рыночной ценности, но вселяющую гордость за вложенный труд.

В своих интервью В.Н. говорил, что тема французских утопистов, в частности, Фенелона, начатая им когда-то, оказалась заброшенной. Но судьба повернулась так, что к этим вопросам он вернулся в свои последние годы, включившись в работу по изда-

нию мемуаров Сен-Симона³⁴. Прежде всего, Сен-Симон оказался не только мемуаристом, но и автором любопытной политико-административной утопии³⁵. В записке, поданной умирающему Людовику XIV, он предложил смелый план преобразования политического устройства королевства. Вновь всплыла обаятельная личность Фенелона, с одной стороны – друга и единомышленника Сен-Симона, с другой – его оппонента в вопросах религии. При подготовке этого не знающего аналогов издания (никогда еще на иностранном языке не готовилась интегральная публикация «Мемуаров» Сен-Симона) В.Н. вновь обратился к давно интересовавшим его вопросам истории янсенизма и квиетизма во Франции.

До самых последних дней Малов напряженно работал над сборником своих статей о неизвестных во Франции рукописях, хранящихся в российских архивах. Но тот вышел уже только по-смертно³⁶.

Пора вернуться к Ибсену. Перед тем, как встретить Пуговичника, грозящего плавильной ложкой, Пер Гюнт оказался в выгоревшем лесу. Под ногами у него путались какие-то клубки, его окружали сломанные соломинки и сухие листья, он слышал шелест. Выяснилось, что все это его несделанные дела, несказанные слова, недодуманные мысли.

Если бы Владимир Николаевич Малов оказался на месте ибсеновского героя, он был бы абсолютно спокоен. Ему удивительным образом удалось завершить практически все свои начинания.

Чего желаю и всем нам.

Список литературы

Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века. 2008. Вып. 69 (2). С. 55–58. [Interv'yu s Vladimirom Nikolaevichem Malovym // Srednie veka. 2008. Vol. 69(2). S. 55–58].

Гуревич А.Я. Из истории народной культуры и ереси. «Лжепророки» и церковь во Франкском государстве // Средние века. 1974. Вып. 38. С. 159–185 [Gurevich A.Ya. Iz istorii narodnoj kul'tury i

³⁴ Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701 / Отв. ред. В.Н. Малов. М., 2007. 992 с.; Малов В.Н. Герцог де Сен-Симон: человек и писатель // Там же. С. 707–729; Он же. Примечания // Там же. С. 749–832.

³⁵ Утописты продолжали его интересоваться. См.: Малов В.Н. Унификация воспитания здорового общества (абсолютистская утопия Луи-Жеро де Кордемуа) // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е. Н. Кириллова. М., 2019. С. 79–86.

³⁶ Малов В.Н. Франция в России: Судьбы старых документов XVI–XVIII веков. М., 2019.

- eresi. «Lzheproroki» i cerkov' vo Frankskom gosudarstve // Srednie veka. 1974. Vol. 38. S. 159–185].
- Гуревич А.Я. Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг» // Средние века. 1973. Вып. 37. С. 28–54 [Gurevich A.Ya. Narodnaja kul'tura rannego srednevekov'ja v zerkale «pokajannyh knig» // Srednie veka. 1973. Vol. 37. S. 28–54].
- Документы по истории внешней политики Франции. 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1963 [Dokumenty po istorii vneshnej politiki Frantsii. 1547–1548 gg. / Pod red. A.D. Lublinskoj. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963].
- Документы по истории внешней политики Франции. 1552–1553 гг. / Под ред. В.Н. Малова совместно с А.Д. Люблинской. Москва, 1985. Депонировано в ИНИОН АН СССР 22.04.1985, № 20448 [Dokumenty po istorii vneshnej politiki Frantsii. 1552–1553 gg. / Pod red V.N. Malova sovmestno s A.D. Lublinskoj. Moskva, 1985. Deponirovano v INION AN SSSR 22.04.1085, № 20448].
- Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610–1620 гг.). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1959 [Lublinskaja A.D. Frantsija v nachale XVII veka (1610–1620 gg.). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1959].
- Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. Москва; Ленинград: Наука, 1965 [Lublinskaja A.D. Frantsuzskij absoljutizm v pervoj treti XVII v. Moskva; Leningrad: «Nauka», 1965].
- Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Москва: Наука, 1982 [Lublinskaja A.D. Frantsija pri Rishel'e. Frantsuzskij absoljutizm v 1630–1642 gg. Moskva: «Nauka», 1982].
- Малов В.Н. Герцог де Сен-Симон: человек и писатель // Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701 / Отв. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 2007. С. 707–729 [Malov V.N. Gertsog de Saint-Simon: chelovek i pisatel' // Saint-Simon. Memuary. 1691–1701 / Otv. red. V.N. Malov. Moskva: Ladamir, 2007. S. 707–729].
- Малов В.Н. Ж.Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991 [Malov V.N. Zh.B. Kol'ber. Absoljutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshhestvo. Moskva: «Nauka», 1991].

- Малов В.Н.* Каллиграфия и ренессансное сознание // Типология и периодизация культуры Возрождения / Ред. В.И. Рутенбург. М.: Наука, 1978. С. 169–174 [*Malov V.N.* Kalligrafija i renessansnoe soznanie // Tipologija i periodizacija kul'tury Vozrozhdenija / Red. V.I. Rutenburg. Moskva: Nauka, 1978. S. 169–174].
- Малов В.Н.* Кольбер в историографии. Москва, 1989. Депонировано в ИНИОН АН СССР 20.03.1989, № 37201 [*Malov V.N.* Kol'ber v istoriografii. Moskva, 1989. Deponirovano v INION AN SSSR 20.03.1989, № 37201].
- Малов В.Н.* Орлеан и его окрестности в XVI–XVIII вв. (по коллекции орлеанских грамот в ОПИ ГИМ). М.: ИВИ РАН, 2015 [*Malov V.N.* Orléans i ego okrestnosti v XVI–XVIII vv. (po kollekcсии orleanskih gramot v OPI GIM). Moskva: IVI RAN, 2015].
- Малов В.Н.* Письмо XVI–XVIII вв. // Люблинская А.Д. Латинская палеография. Москва: Высшая школа, 1969. С. 146–166 [*Malov V.N.* Pis'mo XVI–XVIII vv. // Lublinskaja A.D. Latinskaja paleografija. Moskva: Vysshaja shkola, 1969. S. 146–166].
- Малов В.Н.* Проект монастырской реформы Кольбера // Французский ежегодник 1982. М.: Наука, 1984. С. 101–119. [*Malov V.N.* Proekt monastyrskoj reformy Kol'bera // Frantsuzskij ezhegodnik 1982. Moskva: Nauka, 1984. S. 101–119].
- Малов В.Н.* Происхождение современного письма (Палеография французских документов конца XV–XVIII вв.). М.: Наука, 1975 [*Malov V.N.* Proiskhozhdenie sovremennogo pis'ma (Paleografija frantsuzskih dokumentov kontsa XV–XVIII vv.). Moskva: Nauka, 1975].
- Малов В.Н.* Унификация воспитания — здоровое общество (абсолютистская утопия Луи-Жеро де Кордемуа) // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 79–86 [*Malov V.N.* Unifikacija vospitanija — zdravoe obshchestvo (absolyutistskaja utopija Louis-Géraud de Cordemoy) // Fenomen unifikacii v istorii / Otv. red. E.N. Kirillova. Moskva: IVI RAN, 2019. S. 79–86].
- Малов В.Н.* Франция в России: Судьбы старых документов XVI–XVIII веков. М.: Весь мир, 2019 [*Malov V.N.* Frantsija v Rossii: Sud'by staryh dokumentov XVI–XVIII vekov. Moskva: Ves' mir, 2019].
- Малов В.Н.* Французские государственные секретари в XVI–XVII вв. (К вопросу о значении данных палеографии для ад-

- министративной истории) // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 267–275 [*Malov V.N. Frantsuzskie gosudarstvennyye sekretari v XVI–XVII vv. (K voprosu o znachenii dannyh paleografii dlja administrativnoj istorii) // Srednie veka. 1966. Vol. 29. S. 267–275*].
- Малов В.Н. Фронда // Вопросы истории. Москва: АН СССР, 1986. № 7. С. 76–87 [Malov V.N. Fronda // Voprosy istorii. Moskva: AN SSSR, 1986. № 7. S. 76–87]*.
- Малов В.Н. Фронда // История Европы: в 8 т. М.: Наука, 1994. Т. 4. С. 42–54 [Malov V.N. Fronda // Istorija Evropy: v 8 t. Moskva: Nauka, 1994. T. 4. S. 42–54]*.
- Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). Опись документов. Вып. I. М.: Археографический центр, 1997 [Malov V.N., Sharkova I.S. Kolleksiija Lamoignona (Arhiv Jean Dutier, gosudarstvennogo sekretarja Frantsii v 1547–1560 gg.). Opis' dokumentov. Вып. I. Moskva: Arheograficheskiy centr, 1997]*.
- Миронов Б.Н., Степанов З.Л. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л.: Наука, 1975 [Mironov B.N., Stepanov Z.L. Istorik i matematika (Matematicheskie metody v istoricheskom issledovanii). Leningrad: Nauka, 1975]*.
- Митрофанов А.А. «Если это опубликовать, они вас разорвут». Беседа с И.Н. Осиновским // Французский ежегодник 2010. М.: Квадрига, 2010. С. 377–392 [Mitrofanov A.A. «Esli eto opublikovat', oni vas razorvut». Beseda s I.N. Osinovskim // Francuzskij ezhegodnik 2010. Moskva: Kvadriga 2010. S. 377–392]*.
- Пименова Л.А. Рецензия на кн.: Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009 // Новая и Новейшая история. 2011. № 4. С. 213–125 [Pimenova L.A. Recenzija na kn.: Malov V.N. Parlamentskaja Fronda: Frantsija, 1643–1653. M., 2009 // Novaya i Novejshaya istorija. 2011. № 4. S. 213–125]*.
- Примечания / Составил В.Н. Малов // Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701 / Отв. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 2007. С. 749–832 [Primechanija / Sostavil V.N. Malov // Saint-Simon. Memuary. 1691–1701 / Otv. red. V.N. Malov. Moskva: Ladomir, 2007. S. 749–832]*.
- Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701 / Отв. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 2007. [Saint-Simon. Memuary. 1691–1701 / Otv. red. V.N. Malov. Moskva: Ladomir, 2007]*.

- Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений в 2 томах. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. [*Fonvizin D.I. Sobranie sochinenij v 2 tomah. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. T. 1*].
- Certeau M., de.* L'expérimentation d'une méthode: les mazarinades de Christian Jouhaud // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.* Paris: Armand Colin, 1986. Vol. 41, N 3. P. 507–512.
- Debaggi Barnova T.* Comptes rendus Vladimir N. Malov. Parlementskaâ Fronda: Franciâ, 1643–1653 / La Fronde parlementaire: France, 1643–1653, Moscou, Naouka, 2009 // *Histoire, économie & société.* Paris: Armand Colin, 2012. 31e année. N 3. P. 117–118.
- Jouhaud Ch.* Les Mazarinades: La Fronde des mots. Paris: Aubier, 1985.
- Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien. Paris: Gallimard, 1973. T. 1.
- Lublinskaja A.* Preface à l'édition russe des «Caractères originaux de l'Histoire rurale française» // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.* Paris: Armand Colin 1959. Vol. 14, N 1 (janvier–mars). P. 92–105.
- Ranum O.* The Fronde. A French Revolution (1648–1652). New York; London: W.W. Norton & Co Inc, 1993.

**ON THE MORAL OBLIGATION OF THE HISTORIAN
AND ON TIN BUTTONS.
ADVICES OF VLADIMIR MALOV (1938–2019)**

The professional career of Vladimir Nikolaevich Malov was fraught with controversy. His mentors, Boris Porshnev and Aleksandra Lyublinskaya, had occupied polar positions in the study of French absolutism as well as in their ideas of the meaning and the style of historians' work. Malov became an expert paleographer and wrote a book about the evolution of handwriting in the 15th –18th centuries (1975). In this study, Malov had drawn not only on the manuscripts stored in the Russian archives but also on such an important source as calligraphy textbooks. Besides evolution of aesthetic styles, he saw the pragmatic desire to establish practical skills of chancery work. The history of the chancery and later the history of Secretaries of State provided him access to the study of the absolutist bureaucracy in France. At the same time, Malov considered it

his moral duty to acquaint his colleagues with Russian archival funds that promised interesting finds. In this capacity, he is known in the West. In Russia, he was appreciated as a historian, able to combine the knowledge of empirical material with large-scale generalizations. His books on Colbert (1991) and Fronde (2009) were a success, although Malov could not demonstrate in them his unique competence as an archivist-paleographer. He was given that opportunity in his work with a collection of the 16th to 17th- century diplomas from Orléans. These documents, that came to Russia already in the 19th century, turned out to be unique, since the archive of the Department of Orléans was destroyed in 1940. Malov's local history work allowed him to produce a book entitled 'Orléans and Its Environs' (2015), where his ability to work with complex paleographical sources, his profound knowledge of French law, and the desire to trace the dynamics of socio-economic changes have yielded good results. Thus, at the very end of his life, the contradiction inherent in the historian's creative biography was removed.

Keywords: Vladimir Malov, Boris Porshnev, Aleksandra Lyublinskaya, 16th- and 17th-century France, Paleography, Colbert, Fronde, Absolutism, Archive of Orléans

*Pavel Uvarov, Dr. Hab. (History),
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,
Head of Department of Western Middle Ages
and Early Modern Times,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Professor of National Research University
Higher School of Economics (Moscow)*